

ББК : ТЗ(0)61/.63(04)

**Отражение национальных проблем российских регионов в
деятельности высшего
представительного органа Российской империи.**

И.Н. Вельможко

В статье "Отражение национальных проблем российских регионов в деятельности высшего представительного органа Российской империи" анализируются позиции думских фракций по национальным проблемам различных регионов Российской империи. Статья основана на обширной документальной базе, значительную часть которой составляют стенографические отчеты пленарных заседаний Государственной Думы третьего созыва.

Исследуя стенограммы, архивные документы, материалы периодической печати, автор приходит к выводу о том, что национальные проблемы на заседаниях Думы затрагивались при обсуждении разнообразных вопросов и придавали парламентским дебатам особую остроту.

Изменение избирательного закона 3 июня 1907 г., которое позволило правительству существенно трансформировать соотношение выборщиков в пользу имущих классов, привело к сокращению числа депутатов от российских регионов и способствовало формированию законопослушной Думы. Но в многонациональной империи усиливался национальный гнет, ужесточалась колониальная политика. Более всего это ощущалось на окраинах, хотя не всегда

воспринималось широкой общественностью России. Именно проблемы "достойного" существования людей различных национальностей, противостояние политике жесткого отношения к "инородцам", снятия напряженности между центром и окраинами и становились предметами обсуждения на заседаниях первого народного представительства России, которое "вросло" в политическую структуру страны, становилось важнейшим фактором русской политической жизни [1, с. 7].

Радикальная политическая модернизация общества лишь частично коснулась основ национального устройства России. Доминирование русских сохранялось, однако и у других народов появилась возможность на государственном уровне выразить свои нужды и чаяния. В Государственной Думе работали национальные фракции: польское коло, польско-литовско-белорусская группа, мусульманская группа. Несмотря на свою малочисленность, депутаты от национальных "окраин" старались на заседаниях использовать любую возможность для привлечения внимания к проблемам своих регионов. Как правило, их поддерживали депутаты от либеральных и революционных фракций.

Национально-освободительное движение, охватившее в годы первой российской революции Финляндию, Польшу, Прибалтику, Украину, Кавказ пробудило огромную активность и стремление депутатов от этих регионов добиться посредством парламентской борьбы признания инородцев России ее полноправными гражданами. Наглядное представление о достаточно широком разбросе мнений на национальные проблемы российских регионов создают стенографические отчеты общих заседаний Государственной Думы.

Уже на начальном этапе работы III Государственной Думы при обсуждении доклада по проекту всеподданнического адреса Государю либеральные думские деятели среди прочих вопросов выдвигали и требование о включении в адрес положения об отмене национальных и религиозных ограничений. Так, лидер конституционных демократов П.Н. Милюков, дважды выступавший в этом заседании, предложил в качестве адреса текст аналогичного документа, принятого в свое время Государственной Думой первого созыва. Составленный на основе программных материалов кадетской партии, среди прочих демократических преобразований, он фиксировал требование о национальном равенстве граждан Российской империи [2, стб. 141, 149, 166]. Поправка подобного характера была внесена на рассмотрение Государственной Думы и депутатами от польского коло. Глава фракции кадетов П.Н. Милюков поддержал поправку польского коло и призвал сделать это других членов Думы. Позицию трудовиков выразит депутат А.Л. Булат. Перечислив ограничения, которым подвергаются литовцы, он согласился с необходимостью признания равноправия всех народов империи. Притязания более чем двадцатимиллионного мусульманского населения сформулировал член мусульманской группы

Хас-Мамедов. Он поддержал поправку польского коло, мотивируя решение мусульманской группы стремлением добиться уравнивания мусульман в правах с другими гражданами государства [2, стб. 178]. Показательно в этой связи пророчество, сделанное газетой "Новое время" в преддверии начала деятельности Государственной Думы третьего созыва в октябре 1907 г. Подписанная, по всей видимости, псевдонимом, статья содержала в себе заверения в верности мусульманского населения России существующему строю. Ограничения выборных прав мусульман по избирательному закону 3 июня 1907 г. газета объясняла "неумением мусульман выбирать депутатов, достойных своего назначения" [3]. Данное замечание представляется не совсем объективным. Уже в самом начале парламентской деятельности члены мусульманской группы критически характеризовали политику правительства по отношению к своим единоверцам и присоединились к альянсу оппозиционных деятелей.

Оппонентом к предыдущим ораторам выступил правый депутат Уваров, считавший, что надо сначала выяснить вопрос: что понимать под словами "справедливые стремления" народов. Приведя в пример Кавказ, населенный великим множеством народов, имеющих различные устремления, относящихся к различным религиям, он доказывал, что в многонациональной России невозможно учесть интересы всех национальностей [2, стб. 238].

Приведенное мнение подразумевало в несколько завуалированной форме программное положение партии октябристов о сохранении "единой и неделимой" России и удовлетворении лишь культурных, но, ни в коем случае, не политических требований национальных меньшинств.

Отклонив поправку польского коло, большинство членов Государственной Думы проголосовало за текст адреса в целом, где не содержалось даже упоминания о национальном равенстве или отмене каких-либо ограничений, связанных с национальным признаком. Только лидер польского коло - депутат Дмовский от имени своей фракции заявил о воздержании от голосования, выразив, таким образом, протест в достаточно пассивной форме.

При обсуждении доклада Председателя Совета министров, проходившем в течение нескольких заседаний, 7 декабря 1907 г. кавказские депутаты привлекали внимание членов Государственной Думы к своему краю. Член Дашнакцутюн (партия армянских националистов), И.Т. Сагателян, входивший в Думе в фракцию трудовиков, обрисовал картину свирепствовавшего в Закавказье голода, назвав сумму в 73 тыс. рублей недостаточной для преодоления его последствий. Приведя примеры голодных смертей, он обратился к депутатам с просьбой внести поправку о бедственном положении населения Закавказья. Продолжая кавказскую тему, социал-демократ Е. П. Гегечкори упрекал правительство в игнорировании проблем кавказских народов, а кавказское местничество - в преднамеренном умалчивании о размерах голода, в разорении Кавказа [2, стб. 814, 832].

Отвечая кавказским депутатам, Марков 2-й, принадлежавший к фракции правых, с присущей ему импульсивностью, отрицал наличие голода на Кавказе, а единичные случаи голодных смертей объяснял тем, что ни семья, ни соседи не оказали нуждавшимся помощь. Причем местное население в речи депутата было названо совсем не парламентским словом "звери", на что фракция правых отозвалась рукоплесканиями[2, стб. 834].

Революционные потрясения 1905-1907 гг. привлекали внимание к Кавказу и в последующие годы. Либералы и представители левых считали, что залогом во избежание новых революционных эксцессов может стать кардинальное реформирование в политической, экономической и социальной сферах. Их оппоненты из стана правых и националистов придерживались иного мнения и настаивали на сохранении существующих законов для "мятежных окраин", вплоть до их полного успокоения. Одной из мер, направленных на недопущение повторения революционных волнений, стал предложенный в феврале 1908 г. законопроект, предусматривавший изменения налогового обложения в Закавказье. Финансовая комиссия, в ведении которой находился законопроект, обосновывала обращение к данному вопросу ходатайством царского Наместника на Кавказе и, основываясь на данном ходатайстве, большинство членов комиссии в связи с высокой революционной активностью кавказского населения считало целесообразным сохранить установленный в годы революции поземельный налог в неизменном виде еще на один год. Самая многочисленная партия Думы - октябристы, не вступая в долгие рассуждения, поддержала предложение комиссии.

В числе основных критиков изложенной позиции следует назвать, прежде всего, кавказских депутатов, большинство которых принадлежало к оппозиционным партиям. Среди них наиболее радикальные предложения были внесены социал-демократами. Так, социал - демократ И.-Б.Б. Гайдаров начал свою речь с перечисления особенностей Кавказа: отсутствие земства, наличие временнообязанных крестьян, небольшое количество промышленных предприятий, низкий уровень образования. Необходимость трансформации налоговой системы кавказского региона Гайдаров обуславливал названными особенностями. Отождествляя нежелание правительства и отдельных членов Государственной Думы сохранить существующие налоги и право распоряжаться полученными от них суммами Наместнику, он связывал с пренебрежительным отношением к кавказским народам [4, с. 157].

С критикой деятельности финансовой комиссии выступил и другой член социал-демократической фракции В.А. Степанов. Он обвинил комиссию в формальном подходе к выработке законопроекта на основе непроверенных сведений: материалы собирались чиновниками, которые не знали даже местного языка или назначаемыми ими туземцами. Указание комиссии на национальные беспорядки он не считал достаточной причиной для сохранения повышенного налогового обложения. Отстаивая необходимость улучшения

положения закавказских крестьян, трудовик И.Т. Сагателян доказывал, что они не в состоянии платить такие же налоги, как и крестьяне внутренних губерний до тех пор, пока не будут ликвидированы их земельные отношения с помещиками. Средства, выделяемые для Кавказа, утверждал оратор, большей частью уходят на создание и содержание стражи. Разбойники, которыми не раз будут пугать Думу правые, причиняют вреда гораздо меньше, чем затрачивается средств для их поимки. В заключение Сагателян сказал: "Как будто все нарочно делается так, чтобы только создавать одно неудовольствие" [4, с. 169].

Недостаточное финансирование, на которое указывали кавказские депутаты, становилось объектом думских дискуссий, еще более усугубляя нарастающее противостояние между представителями кавказского населения и правительственными чиновниками. Товарищ министра финансов Ф. Т. Лерхе привел цифровые данные расходов на различные отрасли хозяйства Закавказья в доказательство того, что этот регион получает если и не вполне достаточное финансирование, то и не меньше, чем другие районы России. Депутат Тимошкин, представляющий в Думе интересы русского населения Закавказья, напомнил парламентариям слова представителя Министерства финансов о том, что Кавказ стоит России 29 млн. рублей. То есть именно эта сумма составляла разницу между доходами и расходами Кавказа. Закончил он выступление патетическим вопросом, обращенным к кавказским депутатам: "Господа кавказцы, не довольно ли вам уже за счет центрального крестьянства быть господами?" [2, стб. 1914].

Нетрудно заметить, что суть дискуссии затрагивала не столько национальные аспекты проблемы, сколько экономические. Сложное их переплетение вносило в процесс обсуждения лишь дополнительную остроту.

Разногласицей, перемешиванием пустяков с серьезными вопросами сопровождалось рассмотрение законопроекта об оказании помощи в целях преодоления последствий неурожая на Кавказе, состоявшееся 19 февраля 1908 г. Снова с думской трибуны выступали прежде всего кавказские депутаты: Чхеидзе, Сагателян. Погруженные в заботу о крае, делегировавшем их, они пытались создать наглядное представление о бедственном положении жителей Кавказа и подкрепляли свои слова цифровыми материалами: из 1400 тысяч, выделенных на Кавказ (по империи - 200 млн.), наместник вернул 140 тысяч за ненадобностью. Тогда как представители районов, пораженных недородом, собравшиеся в Тифлисе на совещание, доказывали необходимость ассигнований в размере не менее 3500 тысяч. О чем и было сообщено наместнику [4, с.182].

Несмотря на все усилия депутатов от Кавказа, им не удалось добиться ни уменьшения налогового обложения, ни дополнительных ассигнований для своего региона. Сказывалось не только численное преобладание великодержавно настроенных думцев, но и, вполне объяснимое, непонимание большинством представителей центральных районов проблем национальных

окраин, где даже сугубо экономические вопросы приобретали и приобретают неадекватное значение. Но более вероятной причиной представляется нехватка денежных средств. И это обстоятельство обуславливало тональность как думских выступлений, так и принимаемых резолюций.

Начавшееся в марте 1908 г. обсуждение и принятие сметы доходов Переселенческого Управления вновь привело к полемике, затрагивающей различные аспекты национального вопроса. Разрушение крестьянской общины, начало которому положил указ от 9 ноября 1906 г., земельный дефицит средней полосы России способствовали активизации переселенческой политики, которая всячески поощрялась правительством. Еще в начале 90-х годов XIX века правительство начало организацию переселенческих фондов в Степном крае, Сибири, на Кавказе, вторгаясь в землепользование нерусского населения. За период 1893-1905 гг. в переселенческий фонд было отобрано более 3 млн. десятин земли и, помимо них, 17 млн. десятин предназначалось для казачьих поселков [5, с. 116]. В последующие после поражения первой российской революции годы данная практика еще более увеличилась.

С обоснованием возможности расширения переселения на Кавказ выступил правый депутат Тимошкин. Особенно упорно им защищался тезис о расширении переселения на Кавказ именно русских людей, чтобы увеличить там русскую диаспору. Конец речи был выдержан в мрачных тонах в отношении положения русских на Кавказе. Депутат указывал, что для русских переселенцев намеренно создаются условия, в силу которых они "бегут" обратно, а Кавказ заселяется турецкими армянами, татарами и греками [4, с. 29]. Из контекста стенограммы выступления депутата Тимошкина не совсем ясно кому адресовались упреки в ущемлении прав переселенцев. Можно предположить, что в очередной раз фракция правых избрала для критики кавказское наместничество, проводившее в отношении "туземцев", по мнению правых, недостаточно жесткую политику. Эту же тему продолжил депутат Н. С. Неклюдов от Союза 17-го октября. Он доказывал существование ущемления интересов русских переселенцев на Кавказе.

Используя различные словесные формулировки, представители правых и октябристов были единодушны в выражении недовольства деятельностью кавказского наместничества и методами переселенческой политики правительства, требуя ее активизации.

В результате голосования была принята формула перехода к текущим делам, предложенная бюджетной комиссией. В ней особо оговаривалась необходимость соблюдения и охраны законом при отводе земель и водворении переселенцев интересов и прав местного крестьянского и инородческого населения. На фоне партийных дискуссий по поводу дальнейшего экономического развития страны, подобная формулировка должна была удовлетворить всех депутатов. Но, как часто бывает на практике, принимаемое решение разнилось с тем, что происходило в действительности. И в выступлениях ораторов на заседаниях Государственной Думы приводились

многочисленные примеры нарушения прав коренных жителей национальных окраин. Социал-демократ Гайдаров считал, что переселение на окраины задумывалось для снятия напряжения в центре и поэтому при его проведении достигается, прежде всего, разжигание страстей, растет вражда между отдельными национальностями. Правые депутаты Марков 2-й и Пуришкевич призвали правительство "взять в руки" вопрос о заселении Кавказа русскими людьми. Кавказцам, названным "туземцами", было обещано, что им "обида не будет" и особо подчеркивалось, что русские люди везде на территории России хозяева и везде в империи земли - русские [6, стб. 1273].

Принимая во внимание, что рост русской диаспоры в национальных районах за счет переселенцев из центра России имел далеко идущие последствия, остановимся лишь на тех проблемах, которые имеют отношение к нашей теме. Развитие экономики, появление первых признаков капитализма на национальных окраинах государства требовало притока туда квалифицированной рабочей силы, формирование которой из местных жителей было в начале XX века затруднительно по причине низкого образовательного уровня местных народов. Помимо этого, переселенцы приобщали коренное население к русской культуре, знакомили его с различными методами обработки земли и т. д. Но, с другой стороны, переселенческая политика имела и негативные последствия. Земли, выделяемые переселенцам, не являлись свободными, они принадлежали местным жителям, у которых беспощадно изымались. Стремление путем переселения ослабить аграрно-крестьянское движение в центре России и ускорить колонизацию окраин, ассимилировать местное население с русским наталкивалось на вполне естественное сопротивление, часто выражавшееся в вооруженных конфликтах, примеры которых, приводились в выступлениях депутатов Государственной Думы.

В первую сессию заседаний Думы при обсуждении доклада комиссии о путях сообщения по внесенному Министром Путей Сообщения законопроекту "О приступе к сооружению Амурской железной дороги" рассматривалось влияние железной дороги на жизнь всего Дальнего Востока, в том числе и на жизнь местного населения. Депутат Капустин назвал это население "экстрактом всей России" потому, что оно включало людей разных национальностей, имеющих разные интересы.

Один из лидеров социал-демократической фракции, меньшевик К.С. Чхеидзе в совершенно конкретном случае, связанном с Амурской железной дорогой, вновь воспользовался думской трибуной (что, впрочем, не раз применялось социал-демократическими депутатами), чтобы провозгласить с нее партийные лозунги национального равенства и права наций на самоопределение. Отождествляя государство с единым организмом, он призвал дать возможность окраинам развиваться пропорционально центру, считая это залогом единства страны.

Нет необходимости доказывать важность железнодорожного строительства для эффективного функционирования всей инфраструктуры и, несмотря на конфронтацию в Государственной Думе, идеологам различных политических партий и течений удалось достичь единства. В конечном итоге вопрос был решен положительно. Хотя, как многие благие начинания, законопроект о сооружении Амурской железной дороги еще долгие годы оставался лишь на бумаге. Практическое его осуществление началось уже в Советской России, но так ничем и не закончилось.

Еще один пример связи, казалось бы, несовместимых понятий. При обсуждении сметы расходов на 1908 г. депутат Жуковский указывал на ущемление прав поляков на Привислинской железной дороге, где были уволены все служащие и инженеры, даже врачи и носильщики на станциях, польской национальности [6, стб. 1936]. Аналогичную ситуацию, но связанную с Варшаво-Венской железной дорогой, много лет спустя описывал В.Н. Коковцев, занимавший после убийства П.А. Столыпина пост Председателя Совета министров. Объясняя собственную позицию финансовой выгодой для казны, он подверг критике желание депутатов польского коло придать обсуждению названного законопроекта политический характер и категорически отрицал наличие намерений у правительства уволить с Варшаво-Венской железной дороги всех польских служащих [7, с. 75, 76]

Указанные факты создают наглядное представление о перманентной дискриминации поляков, которая проявлялась как в частных вопросах (случаи на железных дорогах), так и в более важных (уменьшение представительства поляков в Государственном Совете, распространение земства на Западный край).

В 1911 г. в Государственный Совет был внесен проект закона, в соответствии с которым предполагалось сократить в Государственном Совете представительство поляков из Западного края и увеличить за счет этого русское представительство. Ущемление национальных интересов поляков представлялось столь очевидным, что против такого предложения выступил даже бывший обер-прокурор Синода князь А.Д. Оболенский, мотивируя его критику "равноправием всех народностей перед монархом" [8, с. 204].

Принятие данного законопроекта послужило лейтмотивом для дальнейшего ограничения влияния поляков в губерниях Царства Польского. П.А. Столыпин при обсуждении законопроекта в Думе активно поддерживал его.

Премьер-министр выступил инициатором внесения на рассмотрение Государственной Думы и другого проекта, направленного против польского влияния. Но, одобренный Думой законопроект о распространении земства на Западный край при осуществлении выборов посредством национальных курий, был отвергнут исключительно правым Государственным Советом. Как считает большинство исследователей, с целью - ударить лично по премьеру.

Интрига обсуждения данного законопроекта весьма занимательна. Выступая в апреле 1911 г. на заседании Государственной Думы, Столыпин придавал законопроекту большое значение. Основным принципом законопроекта он провозгласил не утеснение, не угнетение нерусских национальностей, а охранение прав коренного русского населения. Интересно, что на ограничение прав поляков откликнулись представители оппозиции, тогда как депутаты от польского коло хранили молчание. Депутаты от польского коло воздержались от выступлений. Причиной такого отношения стало ограничение избирательных прав евреев, также выделяемых в отдельную национальную курию, что послужило своеобразным утешением поляков. Отстаивая законопроект в Государственной Думе, П.А. Столыпин ссылаясь на молчание польских депутатов, как на свидетельство их поддержки национальных курий.

В основном дискуссия проистекала между кадетами и правыми, которые, впрочем, сходились в одном - критике премьера. Кадет В.А. Маклаков обвинял П.А. Столыпина в национализме, во имя которого в Польше были запрещены, разрушены все добровольные соединения на самой безобидной почве, все профессиональные организации. Правый депутат В.М. Пуришкевич видел угрозу принципам русского национализма и назвал законопроект гибельным для Западного края. Доказывая, что земство выгодно только полякам, он охарактеризовал его как козырь в их руках, как путь к осуществлению самых заветных, сокровенных их вождений. Продолжил критику законопроекта другой правый депутат граф Бобринский 2-й [9, стб.2883]. Правым депутатам Государственной Думы вторил официальный партийный орган - газета "Земщина", расценившая либеральные поправки к проекту как угрозу всему русскому делу [10].

Социал-демократ К.С. Чхеидзе выступил с речью, мало касающейся Западного края. Аналогично предыдущим речам, он вновь воспользовался думской трибуной для пропаганды идей своей партии и критики проводимой правительством политики. Погруженные целиком в заботу о привлечении внимания к социалистической доктрине, кавказские меньшевики избрали обструкцию формой партийной тактики в Думе. Однако, кроме политического критиканства, преследовавшего прагматические цели, в Думе наметилась стихийная обструкция как результат прихода в парламент революционных лидеров, которые не имели намерений и навыков законодательной работы, как мирного средства выхода из кризиса.

Законопроект об учреждении земства в Западном крае был принят Думой весной 1910 г. 28 января 1911 г. проект западного земства был вынесен на обсуждение Государственного Совета. Учитывая обстоятельное освещение в литературе развития интриги, связанной с принятием законопроекта, остановимся на основных точках зрения историков по ее поводу. Известный российский специалист А.Я. Аврех посвятил западному земству специальную статью "Вопрос о западном земстве и банкротство Столыпина" и большой раздел в монографии "Столыпин и Третья

Дума". Он считал, проект был отвергнут Государственным Советом по тактическим соображениям, главное недовольство при этом в среде правых членов Государственного Совета вызвало понижение избирательного ценза, увеличивавшее представительство во вновь создаваемом земстве сельской буржуазии. Другой, не менее известный исследователь В.С. Дякин в монографии "Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907-1911 гг." доказывал, что камнем преткновения послужило деление на национальные курии, которые сам Столыпин называл "центральным вопросом настоящего законопроекта". Французский историк Н. Верт в "Истории Советского государства" связывал отказ Государственного Совета проголосовать за введение земства в Западном крае с классовым чувством солидарности русского и польского дворянства, оказавшемся сильнее чувств национальных.

Сообразно с вышеизложенным, представляется, что вопрос о Западном земстве нельзя расценивать однозначно. Наряду с определенной националистической направленностью, он имел целью и демократизацию земств за счет расширения участия в них сельских обывателей. Подобную реформу можно рассматривать как часть столыпинского плана создания класса мелких собственников, которые обеспечивали бы устойчивость нарождающейся демократии и парламентаризму. Как известно, эта колоссальная задача не была осуществлена в начале XX века. Прошло более 80 лет, а Россия стоит перед той же проблемой, над которой бился и из-за которой погиб Столыпин.

5 марта 1911 г. Столыпин доложил царю о своем решении подать в отставку. Идя навстречу желанию монарха, он согласился взять отставку назад при условии роспуска сессии обеих законодательных палат на 3 дня с тем, чтобы во время перерыва провести закон о Западном земстве в порядке статьи 87 Основных законов. В период с 12 по 15 марта законодательные палаты были распущены. Законопроект был принят.

Одним из крупнейших законов, принятых Государственной Думой третьего созыва стал законопроект "О выделении из состава губерний Царства Польского восточных частей Люблинской и Седлецкой губерний с образованием из них особой Холмской губернии". Сущность законопроекта заключалась в отторжении указанных губерний, население которых в большинстве составляли крестьяне-украинцы. Управление будущей губернии должно было осуществляться по типу внутренних русских губерний. В предполагаемой губернии с населением 750 тысяч человек насчитывалось примерно 45% католиков и 35% православных, остальное население относилось к протестантам, иудеям. Следовательно, часть населения, в интересах охраны прав которой был задуман законопроект, на 10% была меньше, чем та часть, которая, по мнению правительства, была опасна. Чтобы склонить польских депутатов к голосованию за выделение Холмщины, Советом министров был подготовлен законопроект о введении городского самоуправления в Польше, который резко ограничивал избирательные права евреев в пользу

польской буржуазии. Применяя подобным образом на практике лозунг "Разделяй и властвуй", правительство стремилось создать между различными национальностями, населяющими страну, известное соперничество. Как это ни парадоксально, но в данном случае позиция правительства перекликалась с идеями, выдвинутыми одним из теоретиков российского либерализма П.Б. Струве о "свободном состязании национальностей".

Представитель польского коло В.Ф. Яронский назвал невыносимым "в настоящий момент" введение самоуправления в польских городах без ограничения прав евреев. Признавая нормальным ограничение избирательных прав евреев, польские депутаты теряли тем самым моральное право на отстаивание уравнения поляков в политических правах с русским населением. На подобное несоответствие указывали не только социал-демократы, но и октябристы, и кадеты, и правые. Заявление трудовиков по холмскому законопроекту зачитал на заседании Думы К.М. Петров. Достаточно четко выразив позицию своей фракции по национальному вопросу, трудовики выступали за полное уравнение всех без исключения населяющих Россию народов, за право каждой национальности на самоопределение в вопросах языка и национальной автономии [11, стб. 609 - 610]. Безусловно это была достаточно демократическая национальная программа. Право наций на самоопределение сводилось к культурно-национальной автономии, в этом программа трудовиков была схожа с программой кадетов. Более радикальную позицию в Государственной Думе третьего созыва занимали только социал-демократы.

Депутат от социал - демократической фракции И.П. Покровский осудил реакционную сущность правительственного законопроекта о Холмщине. Критике подверглась позиция не только националистов, но и октябристов, которые обвинялись в поддержке правительства в национальных изысканиях. Под сомнения были поставлены даже сведения, приведенные комиссией, о 30-ти % русского населения в Холмщине, считая, что эти люди украинцы и исповедуют не католичество и не православие, а униатство. Закончил выступление депутат Покровский общей оценкой законопроекта, назвав его "проявлением человеконенавидческой и разрушительной политики необузданного шовинизма" [11, стб. 618]. Представители правой и националистической фракций не могли не использовать думскую трибуну для очередного провозглашения принципа единой и неделимой России, поддержки великодержавной политики царизма. Правые депутаты приветствовали законопроект, считая, что он приведет к процветанию Холмщины. Даже было предложено депутатом Войковым отодвинуть границу вновь создаваемой губернии на Запад, так как там имеется население тяготеющее ко всему русскому. Но один из лидеров правых Марков 2-й находил даже столь националистический законопроект недостаточно отвечающим общеимперским интересам. Упоминание Царства Польского, тогда как такого

царства нет, а есть часть Российской империи, он расценил, как главную вредоносность законопроекта [11, стб. 269, 320].

Желание правых депутатов усилить реакционные тенденции в формулировках обсуждаемого законопроекта наталкивалось на стойкое противодействие со стороны польского коло, которое старалось использовать любые возможности и любые аргументы для затягивания дискуссии и, тем самым, провала законопроекта. Правая пресса обвинила депутатов польского коло в срыве кворума заседаний, в неразборчивости в средствах в борьбе против выделения Холмщины. Особенно упорно польские депутаты отстаивали тезис об отсутствии в Холмском крае фактов угнетения русских людей. Иными словами, они выступали против одного из основных принципов законопроекта об охране прав коренного русского населения в Западном крае. Депутат А.И. Парчевский доказывал, что в Холмском крае притесняются не русские, а поляки, которые подвергаются обрусению. На следующем заседании другой польский депутат - отец Мацеевич - продолжил отстаивание позиции противников законопроекта. Их соратник по фракции Я.С. Гарусевич назвал главной целью нового закона желание правительства оправославить и обрусить все население Холмщины. В доказательство нежелания местного населения жить во вновь создаваемой губернии он зачитал письма жителей Холмского края [11, стб. 474. 477].

Показательно, что достаточно запутанный сам по себе национальный вопрос переплетался с не менее сложными религиозными проблемами, еще больше обостряя их. В Западном крае существовало три только христианских концессии (католицизм, православие, униатство) и религиозные особенности в оправлении культа усугублялись национальными различиями.

По поручению фракции прогрессистов граф Уваров подверг резкой критике позиции польских и русских националистов и констатировал, что устройство новой Холмской губернии не принесет никакой пользы местному населению.

Второе обсуждение законопроекта о выделении Холмщины началось в феврале 1912 г. с выступления депутата А.И. Парчевского, в котором содержалась критика законопроекта и указание на отсутствие серьезных причин для его введения. Выступления других ораторов также не содержали ничего нового, но от этого прения не становились менее острыми. Конституционные демократы расценили законопроект как "пустопорожний", а время, потраченное на его обсуждение, как "потерянное совершенно попусту" [12, с. 51].

Как уже указывалось, законопроект был принят Государственной Думой, несмотря на активное противостояние этому депутатов от либеральных и левых партий. Наглядное представление о конечном итоге обсуждения правительственного законопроекта дают результаты его голосования. Симптоматичен наметившийся альянс фракции октябристов, подавляющее большинство которой высказалось за выделение Холмщины, и правых членов Думы. В то время

как 25 членов фракции Союза 17-го Октября проголосовали вместе с левыми и либеральной оппозицией против, будучи противниками национальных курий.

Польская пресса по данному поводу отождествляла занимаемую октябристами позицию с позицией националистов и подвергла их критике за угнетение нерусских национальностей и прежде всего поляков. Резкость подобного заявления представляется вполне объяснимой, особенно в последний год функционирования Государственной Думы третьего созыва, когда политические партии стремились увеличить число своих сторонников накануне новых выборов.

Продолжавшиеся более месяца дебаты по обсуждению внесенного министром юстиции законопроекта о преобразовании местного суда еще раз выявили отношение различных партий представленных в III Государственной Думе по национальному вопросу. Одним из аспектов, по которому велись прения, был принцип назначения судей, знакомых с местной жизнью. Другим дискуссионным вопросом стал язык судопроизводства и судоговорения. Депутаты, представляющие в Государственной Думе национальные регионы, считали необходимым соблюдение интересов всех народностей России и поэтому настаивали на включении в законопроект положений о применении местного языка, о назначении судей из местных жителей. Подобной точки зрения придерживались, в частности, депутаты от Западного края (Булат, Килевейн, Монтвилль, Янушкевич). С несколько иной позиции к проблемам местного суда подошли кавказские депутаты и члены мусульманской фракции. Исповедуя различные политические взгляды, они были единодушны в выражении сожаления о том, что законопроект не касается Кавказа и Закавказья. В выступлениях социал-демократа И.-Б.Б. Гайдарова и члена мусульманской группы К.Н. Максудова прозвучали обвинения в адрес правительства и III Государственной Думы по поводу игнорирования ими проблем Кавказа. С трибуны Таврического дворца он пытался доказать необходимость судебной реформы для Кавказа. Депутат от мусульманской фракции Максудов в ответ на провозглашение правыми лозунга "Россия для славян", назвал себя и своих единомышленников русскими в политическом смысле, так как все они являлись жителями России. Правые и националисты, опасаясь возможного ущемления прав русских, стремились оградить их от "засилья" инородцев в судах. Депутат Тычинин выразился более конкретно. Он приветствовал примечание к статье 10 законопроекта, в котором оговаривалось, как необходимое условие, назначение судей правительством в Северо-Западном крае. Выступление было закончено патетическим заявлением о том, что Западный край - это русский край и там нет затруднений в общении с местным населением на русском языке, кроме отдельных случаев. Особую остроту приняло обсуждение статьи 11 о языке судопроизводства в местном суде и поправок к ней. Октябрист Н.И. Антонов предложил поправку к статье 11, разрешающую в местностях, где население не знает русского языка, подавать жалобы в суд на местном языке. Министр юстиции И.Г. Щегловитов, присутствовавший на заседании Думы, возразил

против поправки, используя в качестве главного аргумента слишком пестрый национальный состав России. Трудовая группа, от которой выступил Ляхницкий, внесла свою редакцию статьи 11. Было предложено вести судебное заседание на языке большинства населения или по требованию подсудимого или сторон на русском языке. Прогрессивная группа вообще выступила за исключение статьи 11. Польское коло и мусульманская группа присоединились к трудовой группе [11, стб. 2759 -2760, 2941 - 2946].

Далее дискуссия продолжилась по уже известному сценарию: правые, на этот раз от них выступили граф Бобринский 2-й и Тимошкин, доказывали невозможность принятия поправки из-за невозможности учесть интересы всех национальностей, обязанность всех инородцев знать русский язык. Фактически правые, как это часто случалось в Государственной Думе, поддержали позицию Министерства юстиции. Депутаты от оппозиции придерживались противоположного мнения, но аргументация у представителей разных партий была различная. Речь кадета Милюкова носила по преимуществу обвинительный характер. Начав с обвинений Министерства юстиции в отказе гражданам в праве, которое гарантировалось Основными законами, он перешел к обвинениям в адрес правых, даже не в русификации, а в разъединении народов. В финале своего выступления он указал, что суд - та область жизни, применение равноправия народностей, в которой наиболее безопасно и даже выгодно для государства. Социал-демократ Чхеидзе обвинил уже не только правых, а весь состав III Государственной Думы в предвзятом отношении к национальному вопросу, который особенно интересует правых, вносящих в его разрешение темноту. Его товарищ по фракции Гайдаров подверг критике позицию Министерства юстиции, указав на нарушение прав не только инородцев, но и русских. Продолжавшееся в течение 3-х дней обсуждение статьи 11 завершилось принятием большинством голосов ее в редакции судебной комиссии с поправкой депутата Антонова.

Обсуждение законопроекта о преобразовании местного суда на этом не закончилось. Продолжение его состоялось уже в следующей сессии в январе 1910 г., но национальные аспекты обсуждаемого законопроекта на этих заседаниях не затрагивались, к ним вернулись лишь при третьем обсуждении законопроекта в марте 1910 г. И вновь камнем преткновения стала статья 11 и поправки к ней. Октябрист Шубинский - докладчик судебной комиссии, доложил о принятии комиссией поправки по статье 11, в которой говорилось о возможности принятия присяги, при желании, на родном языке. Данное предложение было объявлено дополнением к поправке депутата Антонова, принятой Государственной Думой. Вновь министр юстиции возражал против принятия поправки. Он считал, что применение ее на практике будет затруднительно с чисто технической стороны. Помимо этого статья 3 Основных Законов закрепляла за русским языком статус общегосударственного языка, который должен применяться в общегосударственных и общественных установлениях.

Выступления, последовавшие за этим, не внесли нового в выявление позиций по данному вопросу различных думских фракций. Лишь депутаты отец Мацевич и Максудов предложили новые поправки к этой статье. Мацевич - о принесении присяги, при желании, на родном языке, Максудов - мировой судья, живущий среди инородцев, должен знать их язык. При голосовании статья 11 и поправка к ней, предложенная отцом Мацевичем были приняты большинством голосов. Остальные статьи законопроекта не вызвали таких бурных дебатов и их обсуждение продолжилось относительно спокойно.

Предметом дискуссии национальный вопрос вновь стал во время первого обсуждения внесенного Министром торговли и промышленности законопроекта об обеспечении нормального отдыха служащих в торговых заведениях, складах и конторах. Социал-демократ Гайдаров не согласился с обязательным для всего населения Российской империи празднованием христианских праздников. Для двадцатимиллионного мусульманского населения, как он заявил, это является насилием. Еженедельным выходным у мусульман является пятница, празднование же и христианских и мусульманских праздников подорвет экономическое благосостояние мусульман. Эту тему продолжил мусульманский депутат Хас-Мамедов, а также его сотоварищ по фракции Максудов. Депутат Кутлер внес примечание к статье 10 законопроекта о разрешении инородцам праздновать не христианские, а свои религиозные праздники. К.М. Петров предложил объявить воскресенье выходным днем с возможным переносом отдыха на другие дни [13, стб. 145 -157].

В прениях по национальному вопросу даже среди представителей оппозиции не было согласия, так как в большинстве своем они принадлежали к различным национальным группам и защищали интересы каждый своей национальности, исключениями в этом плане можно назвать социал-демократов и трудовиков, отчасти кадетов, которые отстаивали интересы различных народов. Обсуждение напоминало скорее спор, когда каждый отстаивал собственную точку зрения, не прислушиваясь к оппонентам. Предложение фракции народной свободы о предоставлении возможности мусульманам и евреям избирать разные дни отдыха было отклонено.

Таким образом, на примере обсуждения данного законопроекта, который, казалось бы, не имеет никакого отношения ни к политике, ни к идеологии, можно наблюдать, как постоянно в работе Государственной Думы незримо присутствовали различные аспекты национального вопроса. Несмотря на то, что в повестках дня национальный вопрос не значился, он постоянно возникал по самым различным поводам и в самых различных интерпретациях.

Деятельность Государственной Думы четвертого созыва не отмечена принятием или обсуждением крупных законопроектов, связанных с национальным вопросом. В первую и вторую сессии (1912-1914 гг.), иначе говоря в предвоенные годы, в Думу было внесено свыше двух тысяч мелких законопроектов, презрительно называемых самими депутатами

"законодательной вермишелью". Это обстоятельство и обусловило тональность думских дискуссий. Можно констатировать, что круг вопросов, входивших в область рассмотрения первого представительного органа России, всегда отличался широким спектром. Тем более в ситуации, когда Дума была фактически "завалена законодательной мелочью".

Лейтмотивом отдельных заседаний IV Государственной Думы стало возвращение в прениях к законопроектам, принятым Думой предыдущего созыва, а также их последствиям. Возросшая за время после третьиюньского переворота экономическая мощь национальных окраин и, все более открыто проявляющееся, недовольство определенных кругов национальной буржуазии экономическим и внутривластным курсом царизма вызывали повышенную заинтересованность в исходе думских дебатов среди депутатов от национальных окраин.

Не случайно уже на первых заседаниях Думы IV созыва, посвященных рассмотрению "неправильностей, допущенных при производстве выборов", инородческие депутаты продемонстрировали готовность следовать прежней тактике, заключавшейся в критике законодательной деятельности Думы в отношении нерусского населения империи.

Особого внимания заслуживает позиция депутата К.С. Чхенкели. Он перечислил ряд законопроектов, принятых в свое время III Государственной Думой и носивших явно антиинородческий характер. Критикуя заявление Председателя Совета министров о первенстве русской народности, от имени социал-демократической фракции он выразил протест по поводу русификаторской политики правительства. Как и следовало ожидать, его выступление поддержали товарищи по фракции Караулов и Джафаров. Речь шла, главным образом, об отношении правительства к нерусским народам. Склонный к широкому теоретизированию, лидер конституционных демократов П.Н. Милуков продолжил критику национальной политики правительства [13, стб. 489 - 491, 518 - 521, 602 - 606].

На протяжении следующих заседаний либеральные ораторы по-прежнему скучно и долго повторяли одни и те же упреки в адрес власти. Правые и националисты столь же длинно и нудно обвиняли оппозицию в желании "очернить" правительство и добиться, ослабления государства. Сознание полную бессмысленности этой говорильни порождало всеобщее раздражение, перераставшее во взаимные нападки и обвинения, вплоть до ругани.

Преломление специфично экономических проблем сквозь призму национального вопроса, столь характерное для дебатов Государственной Думы третьего созыва, было присуще и IV Государственной Думе. Прения по бюджету всегда служили поводом для предъявления претензий правительству и предупреждений об опасности его курса. При обсуждении в мае 1913 г. сметы расходов Особой канцелярии по кредитной части литовский депутат Н.О. Янушкевич указал на такую несоразмерность: русское население в Литве составило 1/5 часть всего населения, а получило от Кредитного банка в 5 раз больше кредитов, чем литовское население. Ценность

данного признания в том, что оно лишний раз дает возможность наглядно продемонстрировать всеобъемлемость национальных проблем, их глубокую взаимосвязь со всеми сторонами жизни многонационального государства. Даже один этот эпизод показывает, что невозможно рассматривать вопросы национального самосознания разных народов, полностью отделяя одну сферу жизни от другой, ведь грань между ними слишком зыбкая.

Спустя год вновь депутаты от национальных окраин, прежде всего Западного края, Л.К. Дымша, И.О. Янушкевич выступили в качестве главных противников принятия сметы расходов Особой канцелярии по кредитной части.

Тем временем на внутривластной обстановке все больше сказывалось приближение войны. Кадеты, сознавая неподготовленность страны к войне, до самого ее начала занимали сдержанную позицию, выступая против "воинственных фанфар" и "патриотической истерики", печатный орган октябристов "Утро России" с марта 1914 г. начал находить положительные стороны в войне с Германией. Предвкушение "громких материальных выгод и привилегий от раздела турецкого и австрийского наследства" заставляло национал-либералов забывать их собственные слова о связи между внутренней политикой и военным могуществом государства и скатываться в лагерь сторонников войны. С началом войны в августе 1914 г. волна шовинистических настроений стала захлестывать и кадетов.

На фоне военной действительности работа последней мирной сессии Думы весной 1914 г., когда велась острая полемика по запросу о стеснении прав польского населения в отношении свободного пользования ими природным языком, казалась незначительной и малосущественной. Выступления польских депутатов Рачковского, Гарусевича, Лэмпицкого в Государственной Думе четвертого созыва по поводу ограничения использования польского языка в надписях на вывесках, до войны ассоциировавшиеся с авангардизмом в разрешении окраинных проблем, спустя несколько месяцев представлялись нарочитой демонстрацией политической оппозиционности. Превращение польских территорий в театр военных действий, присутствие солдат польской национальности в составе армий обеих воюющих сторон - все это привело к смещению акцентов в оценке ситуации.

С вступлением России в войну не только правые, националисты и октябристы, но и либеральная оппозиция высказывались на заседаниях Думы за единение с правительством. Как писала кадетская "Речь": "Перед лицом внешнего врага Россия едина и никто не демонстрировал такого единства, с такой силой и с таким авторитетом, как Дума"[14].

Усиленная агитационная кампания, проводимая в печати, идеологически оправдывала и обосновывала необходимость войны, способствовала распространению шовинистических идей великорусского национализма. Один из идеологов либерализма П.Б. Струве призывал

проникнуться "правдой национализма", заключавшейся в признании русского народа "неоспоримо первенствующим народом" России, в признании национального, а не интернационального характера Российской империи [15].

Вступление русской армии в Галицию усилило злободневность украинского вопроса. Притязания украинцев на оформление в национальность не признавались не только правыми, но даже и либеральными деятелями. Признанный теоретик партии народной свободы П.Б. Струве отрицал возможность формирования украинцев в национальность. "Есть единая русская национальность, с различными этнографическими подразделениями, одним из которых является малорусский элемент", - писал он [16].

Поражения на фронтах, сбой в снабжении населения продовольствием и промышленными товарами быстро разрушили патриотические иллюзии в обществе. "Священное" единение первых дней войны было забыто, росло забастовочное движение. Образование в 1915 г. Прогрессивного блока, который много лет спустя в своих воспоминаниях его "автор" П.Н. Милюков назвал "последней попыткой найти мирный исход из положения", не принесло желаемого результата, ситуация в стране постоянно ухудшалась [17].

В течение 1916 г. легальная оппозиция умножила словесные атаки на власть. Вновь депутаты от национальных окраин с думской трибуны заявляли о пренебрежении нуждами их регионов. Элементы недовольства отчетливо прослеживаются в выступлении кадета М.И. Пападжанова. Он указывал, что правовой вакуум в отношении кавказских национальностей особенно сказывается на армянах. Подытоживая свою речь, депутат призвал к соблюдению принципа равенства всех народов.

Нетрудно заметить как изменилась тональность выступлений инородческих депутатов. Если в начале войны на заседании 26 июля 1914 г. и позже 19 июля 1915 г. они были едины с властью в патриотическом порыве, то спустя два года правительство опять служило мишенью для критики.

Помимо национальных проблем, доставшихся IV Государственной Думе от предыдущего созыва, военная действительность способствовала возникновению новых. Наибольшую актуальность среди них приобрели проблемы беженцев. Вследствие того, что военные действия велись главным образом в районах проживания "инородцев", именно "инородцы" составляли основную массу беженцев. Оценивая значение деятельности думского комитета по координации устройства беженцев, правый депутат Замысловский указывал на несоблюдение интересов русских жителей Западного края. Главным в его речи было требование увеличения в комитете по беженцам депутатов от правой и националистической фракции, пропорционально их численному представительству в Думе. Парадоксальность ситуации заключалась в том, что

правые и националисты стремились занять господствующее положение в комитете, который занимался устройством преимущественно инородческого населения. Между тем, как отношение их к этому населению было далеко не доброжелательным.

Какими бы ни были "глубинные" причины драматического завершения периода русского конституционализма, но постоянное обращение к проблемам национальных окраин империи служит свидетельством признания депутатами Государственной Думы важности этих проблем. Проследив работу Государственных Дум третьего и четвертого созывов, можно наблюдать, что они не однажды становились аренами острых столкновений по окраинным вопросам. Даже депутаты от инородческого населения страны по большинству проблем занимали разнообразные, часто противоположные позиции. Одни и те же вопросы, касающиеся различных регионов, они освещали с неодинаковых точек зрения. В заслугу депутатам от национальных окраин можно отнести то, что именно они добивались привлечения внимания к своим областям первого российского парламента и при обсуждении целого комплекса проблем отстаивали необходимость проведения социально-экономического и политического реформирования окраин.

Существовавшее неравенство народов в политической, а иногда и экономической сферах приводило к общей нестабильности в стране. Неприятие крайних форм правительственной националистической политики и желание политических свобод были характерны для всех депутатов от окраин, вне зависимости от политической принадлежности.

Список литературы:

1. Желягин В.И. Российский парламентарий во времена Государственной Думы. Из воспоминаний эмигранта первого поколения. // Знание - сила. - 1993, № 7. - с. 2 - 10.
2. Государственная Дума. Стенографические отчеты. Созыв 3. Сессия 1. Часть 1. - Спб., 1908. - 3152 стб.
3. Арнаутский А. Размышления о Думе. // Новое время. - 1907, 23 октября.
4. Кавказские депутаты в Третьей Государственной Думе. - Баку, 1912. - 237 с.
5. Законодательные акты переходного времени 1904 - 1906 гг. - Спб.,: Б. и., 1909. - 367 с.
6. Государственная Дума. Стенографические отчеты. Созыв 3. Часть 2. - Спб., 1908. - 3246 стб.

7. Коковцев В.Н. Из моего прошлого. Воспоминания 1911 - 1919 гг. - М.: Современник, 1991. - 591 с.
 8. Авторханов А. Государственная Дума - школа демократии и трибуна революции. // Согласие. - 1991, № 2. - с. 202 - 206.
 9. Государственная Дума. Стенографические отчеты. Созыв 3. Сессия 4. Часть 3. - Спб., 1911. - 4826 стб.
 10. Ковалев В.Г. Кому выгодно Западное земство? // Земщина. - 1910, 3 июля.
 11. Государственная Дума. Стенографические отчеты. Созыв 3. Сессия 5. Часть 2. - Спб., 1912. - 3822 стб.
 12. Что делала и что сделала Третья Государственная Дума (фракция правых). - Спб., 1912. - 56 с.
 13. Государственная Дума. Стенографические отчеты. Созыв 3. Сессия 3. Часть 4. - Спб., 1910. - 3781 стб.
 14. Милюков П.Н. В тяжелую минуту... // Речь. - 1914, 27 июля.
 15. Струве П.Б. Размышления о национализме. // Биржевые ведомости. - 1914, 17 декабря.
 16. Струве П.Б. Историческая традиция. // Биржевые ведомости. - 1914, 28 декабря.
 17. Милюков П.Н. Воспоминания. Т. 2. - М.: Современник, 1990. - 445 с.
-

Вельможко Ирина Николаевна, доцент кафедры истории Московского авиационного института (государственного технического университета), к. и. н.